

ЭММА РУДКЕВИЧ

РАЗВОД

С ПРЕДАТЕЛЕМ.

Я сыгрую реквием
по твоей карьере!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем. Я сыграю
реквием по твоей карьере!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Я сыграю реквием по твоей карьере! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Муж выгнал меня из дома и отдал молодой скрипачке всё, ради чего я работала пять лет.— Ты всего лишь черновик, Алина. Вероника — настоящее искусство! Григорий лишил меня контрактов, заработка и права выходить на сцену. А потом пригрозил раскрыть тайну моей пятнадцатилетней дочери. Когда я почти отчаялась, появился Максим Дорн — богатый коллекционер, который предложил восстановить редкую виолончель и снова играть. Только его помощь тоже обернулась контрактом с опасными условиями. Теперь моя соперница выйдет к публике со скрипкой, звук которой зависит от моих рук. И я докажу всем, кто здесь настоящий музыкант. Но смогу ли остаться свободной рядом с Максимом?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Я сыграю реквием по твоей карьере!

Глава 1

В гримерке Филармонии было нечем дышать. На столе стояли цветы, но от Гришиного кресла тянуло виски — букет не перебивал этот запах. Под ногтями у меня засохла канифоль. Три часа со скрипкой и смычком Вероники, три часа над звуком, который завтра припишут ей. Я потерла большой палец об указательный; кожа стянулась и слегка саднила. Все же хотелось улыбаться. На последней пробе верхние ноты наконец перестали дребезжать. Я знала, в каком месте зал затаит дыхание, а в каком начнет хлопать, не дождавшись конца.

Григорий Соколов сидел у окна, повернувшись ко мне спиной. В зеркале я видела его затылок и себя рядом — серую после работы, с волосами, прилипшими к вискам. Он мог бы хотя бы спросить, закончила ли я. Мне пришлось заговорить первой. Только не начинать жалобным голосом: Гриша терпеть его не мог, а я потом полвечера прокручивала собственные слова. — Все готово, Гриша? Завтрашний день... мы должны быть уверены.

Гриша молчал. Я сделала шаг к креслу, чтобы он хотя бы увидел меня в зеркале. Не спрашивать второй раз. Пока я решала, ждать или взять его за плечо, он повернулся. На меня посмотрел, а встать не стал. — Алина. Бумага скользнула по столу. Я наклонилась прочесть заголовок: уведомление о расторжении исполнительского договора. Внизу — ссылка на мою подпись под договором. Само уведомление я видела впервые. Бумага была развернута ко мне, будто он заранее отмерил, где я остановлюсь.

Мир качнулся. Я схватилась за спинку стула, костяшки пальцев побелели. — Объясни мне, что это значит, — мой голос сорвался, стал тонким, противным. — Без меня Вероника звучит как фальшивый синтезатор! Это мои руки дали ей жизнь! Ты не можешь просто... — Могу, — перебил он мягко, почти ласково. Он потягивал виски из хрустального бокала, и звон льда об стекло резал уши. — Твоя техника, Алина, это старомодная пыль. Музейный хлам. Публика хочет глянца, страсти, молодой кожи. А ты? Ты грязь под ногтями этого глянца. Вероника — лицо бренда. Ты была... инструментом настройки. Механизмом. А механизм уже выполнил свою функцию.

Я открыла рот, чтобы возразить юридически, чтобы вспомнить пункты договора, но он поднял палец. — Пункт 7.4. Моральное право импресарио на замену исполнителя при «неконкурентоспособности». Ты сама его читала и подписывала. Хотя, учитывая твой возраст и затуманенный разум, возможно, ты его просто не запомнила.

Ключи лежали в сумке на полке. До мастерской дойти, закрыться, никого больше сегодня не видеть — вот чего я вдруг захотела. Шагнула к полке и ухватила за ремешок. — Отдай мои вещи, — сказала я. Охранник перехватил сумку прежде, чем я успела прижать её к себе. Молния разошлась. На паркет посыпались блокноты, пакетики струн, кисточка для лака. Кисточку я узнала по обмотанной изолентой ручке: новую все собиралась купить. Она откатилась под кресло Гриши. Он посмотрел на неё, потом на меня и отпил виски. Даже ногу не отодвинул.

Пришлось встать на колени. Между пакетиками струн лежали листы с моей аппликатурой — их нельзя было оставить здесь, под чужими ногами. Один лист не сразу вытянула из-под кресла. — Пять лет, Гриша! Мы вместе строили карьеру Вероники. Я учила её дышать музыкой. Разве ты не видишь, что она без тебя никто? Без нас никто! Я говорила снизу вверх, ненавидела себя за это и все равно говорила. Он смотрел, как я собираю бумаги. — Именно

поэтому я и планировал этот разрыв, родная. Чтобы освободить место. Вероника — молодая, продаваемая, амбициозная. А ты? Ты инкубатор. Ты набивала руку для неё на сложных пьесах, пока я искал новую мышцу. Ты использована до последней капли пота. Родная. Он сказал это, даже не переставив бокал подальше от моих ног.

Я искала ответ — хоть что-нибудь человеческое в его лице. Но он смотрел, как смотрел на охранника, ожидая, когда тот закончит свою работу. Я подняла последний блокнот. Край обложки размок: на полу, оказывается, была лужица от его бокала. Пять лет можно было перечеркнуть, не переставив кресла. А я еще пыталась объяснить, сколько вложила в нашу работу.

Я встала. Колени скрипнули, но спина выпрямилась. — Деньги, — сказала я тихо. — Гонорары за прошлые выступления. Они на счету агентства. Григорий поставил бокал на стол. Звук был глухим, как удар молота по наковальне. — Все выплаты заморожены на год в рамках арбитражного разбирательства. Я иницирую его первым. За нарушение профессиональной этики и непригодность. Подпиши бумаги о добровольном уходе, Алина. Или останешься без гроша и с клеймом нарушителя. Выбор за тобой.

Ручка лежала возле бумаг, колпачком ко мне. Подписать сейчас, и потом он сам будет показывать мой добровольный уход. Не подписать — придется добиваться денег, которых не хватало уже на эту неделю. Я посмотрела на руки. Канифоль вьелась в складки, возле ногтя темнел старый порез. В мастерской я знала, за что взяться, когда казалось, что инструмент не спасти. Здесь даже коснуться ничего не хотелось. — Нет, — прошептала я. — Тогда до свидания, — сказал он и отвернулся к окну.

В коридоре администратор смолкла посреди фразы, едва увидев меня. Музыкант, с которым мы утром здоровались, занялся замком футляра; застежка была уже закрыта, но он дергал её снова. Пришлось пройти мимо всех. Я держала сумку двумя руками, чтобы из неё ничего больше не вывалилось. Никто не спросил, что случилось. По тому, как быстро отводили глаза, я понимала: слышали достаточно. «Хорошо, что не со мной». Вот что им было бы легче сказать.

У лифтов шла Вероника. Я сперва заметила туфли — они стучали громче моих шагов — потом новое платье. Пройти нам обеим было нетрудно. Но она задела меня плечом, не сбавив хода. — Спасибо за звук, дорогая. Ты была отличным черновиком. Вероника сказала это тихо. Рядом стоял администратор; к нему она уже повернула улыбающееся лицо. А я задержала дыхание. Хотелось спросить при нем, почему она благодарит человека, которого только что назвали непригодным. Но рот не открылся.

Черновик. Вероника уже ушла, а я все смотрела ей вслед. На моей кисточке была засохшая капля лака; на её ногтях — ровный блеск. Завтра она возьмет смычок, который я готовила три часа, и будет улыбаться залу. Я даже не могла окликнуть её: что сказала бы? Что черновик еще помнит, где в чистовике осталась ошибка?

Ночь Петербурга встретила меня холодом и мокрым асфальтом. Дождь моросил, смешиваясь со слезами, которые я наконец позволила себе пролить. Я шла к дому. К нашему дому. Точнее, к тому, который мы снимали вместе, но оформленный на него. Я помнила запах его кожи на подушках, вкус кофе, который он варил по утрам. Я думала, что хотя бы там, в четырех стенах, я смогу собраться.

В подъезде не горела лампа над лестницей. Лифт тоже стоял. Я поднялась на пятый этаж, держась за перила; последние ступеньки пришлось пройти медленнее. Наша дверь была на месте. Та же обивка, тот же след возле ручки. Нажала звонок. Подождала, вытаскила ключ и попробовала открыть. Он не повернулся. Я прижала дверь плечом — раньше помогало — и только тогда разглядела блестящий край новой личинки. Вот что Гриша успел сделать, пока я чинила чужую скрипку.

Снизу донесся голос консьержки. Она, видно, услышала мои шаги на лестнице: — Хозяйка сказала, вещи отправят курьером! Ключи оставьте у меня! Замок сменили, девушка!

Звонить второй раз было некому. Я все еще держала ключ у замка и смотрела, как капля воды с рукава попадает на металлическую головку. Из летнего платья успело натечь на кафель. Вещи отправят курьером. Мне теперь предстояло ждать свою одежду где-нибудь еще, а здесь нельзя было даже снять мокрое. Я выдернула ключ. На секунду захотелось бросить его вниз, к консьержке. Сунула в сумку — руки и так дрожали, потом пришлось бы искать.

Я медленно сползла по стене вниз, оказываясь на полу. Обхватила колени руками, пытаюсь сохранить тепло тела. Голова кружилась. Перед глазамиплыли лица: Григорий с бокалом, Вероника с ее «черновиком», охранник, вываливающий мою жизнь на пол.

Я опустила голову на колени. Перед глазами по-прежнему была мастерская: свет над верстаком, бок Гварнери, струны, натянутые над подставкой. Я проверяла их вчера ночью. Задержалась у одной ноты, попробовала еще раз — тише, потом сильнее. И оставила все как было. Вспомнив это, я убрала ладони с лица. Мне больше не хотелось стучать в запертую дверь.

Я посмотрела на свои руки. Руки реставратора. Руки, которые вчера ночью, в последний раз касаясь струн Гварнери перед тем, как отдать их Веронике, оставили подставку чуть перекошенной. На тихой пробе это было почти незаметно.

Ловушка.

На тихих нотах скрипка еще отзывалась чисто. Но Вероника будет играть громко, давить смычком, пытаясь доказать свою мощь. Подставка уже тянулась вперед под натяжением струн. При сильном нажиме звук срывался в скрежет — я слышала это на пробе. Исправить было нетрудно. Если заметить. Если не считать руки реставратора грязью под ногтями.

Я не проиграла. Я заложила мину.

Я потеряла щеку; соль стянула кожу. Улыбка получилась кривой, и я не стала её удерживать. Завтра Вероника возьмет Гварнери, положит смычок на струну и посмотрит в зал, ожидая той же легкости, что на тихой пробе. Я попробовала провести рукой её вступление прямо в воздухе. Движение помнила лучше, чем лицо Гриши. Дальше будет верхняя нота, на которой подставка уже подводила её. Вот там и послушаем.

Поиграй, деточка. Поиграй до конца.

В голове снова прозвучала нота с последней пробы. Тихо я могла провести её чисто; под нажимом она срывалась. Я слушала этот воображаемый срыв, сидя у чужого замка, и впервые за вечер перестала просить Гришу о чем бы то ни было. Завтра он сам прислушается.

Глава 2

У служебного входа «Европы» мне пришлось встать вплотную к кирпичной стене. Под козырьком теснились я и чужие ящики, а по краю пальто уже текла вода. Из ресторана слышался квартет. Чистая скрипка, ровное сопровождение — я невольно отметила, где музыкант сэконобил на фразе. Раньше я бы вошла и поправила. Теперь ждала администратора, стараясь не выглядеть человеком, который будет просить о работе.

Администратор вышла с той стороны двери, где было сухо. Посмотрела на мое пальто, на футляр. Улыбнулась — так легче отказывать. — У нас есть контракт с агентством «Сокол», милая. Вы знаете правила. Фамилия Ветрова для нас токсична. Я хотела спросить, кто вписал мою фамилию в её правила, но она уже отступила, пропуская охранника. У него оказалось достаточно места под козырьком. Мне почему-то не хватило.

— У меня больше нет обязательств перед Соколовым, — чуть не сказала я. Охранник уже взял меня за локоть. Возразить ему значило разговаривать со спиной администратора. Я двинулась сама, чтобы не тащили. Он оттеснил меня от двери на мокрый тротуар Невского и закрыл её. Изнутри еще слышался квартет. Я посмотрела на ручку: запирать даже не понадобилось, он знал, что я обратно не пойду.

Я задержалась у двери. Изнутри квартет уже взял новую фразу, и охранник не услышал бы, если бы я возразила ему сейчас. Администратор произнесла Гришину фамилию без запинки. Он успел и сюда. А я еще думала, что достаточно прийти со своими руками и слухом; кому-нибудь да нужны музыканты вместо разговора о том, кто кого бросил.

До Кати дозвонилась не сразу. Первый гудок пропустила, пока вытирала экран пальто; после третьего она ответила. Когда-то мы вместе окончили консерваторию. Я выбрала её номер потому, что еще утром не считала его номером человека, у которого придется просить работу.

— Лина? Катя говорила вполголоса. Я тоже понизила голос, хотя на тротуаре рядом никого не было. — Катя, мне нужна помощь. Хотя бы совет. Или место в ансамбле... Она не спросила, в каком. Я слышала, как в трубке шумит воздух, и ждала. — Гриша предупредил всех, Лина. Всех директоров фестивалей, всех агентов. Если я помогу тебе, меня вычеркнут из списка на три года. Прости. Я не могу рисковать карьерой ради твоего упрямства. Упрямства. В ансамбль я собиралась прийти играть, а ей уже объяснили, за что именно мне не нужно помогать.

Катя отключилась прежде, чем я успела сказать, что не прошу рисковать на три года. Хотела попросить хотя бы один вечер. Я прислонила телефон к щеке — экран уже погас — и стояла так, пока холодная вода не затекла за воротник. Мы вместе сдавали последний экзамен, ждали своей очереди и мечтали о больших сценах. Зачем я вспомнила это сейчас? Катя сейчас не спросила даже, есть ли мне куда идти.

Нужны были деньги. Любые. Я вернулась в коммуналку на Васильевском, где пахло плесенью и чужими обедами. Распаковала старый кожаный футляр. Внутри лежали мои струны и смычок — те самые, которые я собирала годами, отказывая себе в новом платье или кофе в центре.

На объявление откликнулись через три часа. Пришли двое. Я открыла футляр так, чтобы смычок было удобно взять, и тут же пожалела: первый потянулся к нему грязными пальцами. Студент, судя по возрасту. — Старье. Да и бренд токсичный теперь. Кто купит инструмент, связанный с именем Соколова? За тысячу рублей возьму, если повезёт продать на растопку. Я держала футляр и думала, что он сейчас сломает волос. Второй повертел смычок, бросил обратно. — Извините, нам такое не надо. Он хотя бы извинился. От этого я чуть не начала объяснять, как проверить хороший смычок. Продавать дешевле не собиралась, а спорить бесплатно все еще хотелось.

Я закрыла футляр, проверив, не задел второй покупатель волос смычка. Ему хватило минуты, чтобы отказаться; мне бы потребовался вечер, чтобы убрать оставленную им жирную отметину. Тысяча рублей на растопку. Я могла бы купить хлеб и еще что-нибудь горячее. Но пальцы уже защелкнули замок. Хотелось позвать студента обратно, и от этого хотелось стукнуть себя по руке.

Вечером в коридоре коммуналки возникла Зинаида Петровна. Женщина с тяжелым взглядом и запахом перегара, который въелся в обои. — Оплата за свет и воду просрочена, артистка, — она ткнула пальцем мне в грудь. — Плати или вали. Вещи выбрасывать не буду, полицию вызову. Тебе тут не хозяйская роль отведена.

У меня было ровно две тысячи рублей наличных. Я отдала их все, оставив себе мелочь на хлеб. Зинаида Петровна спрятала купюры в карман халата и фыркнула, захлопнув свою дверь.

Я заперлась в своей крохотной комнате. Здесь помещались кровать, стол и стул. Стены были тонкими, как бумага. И именно через эти стены до меня долетел звук. Радио включили соседи этажом выше. Там играла Вероника Ланская.

Сквозь перекрытие некоторые ноты терялись, но я все равно узнала Веронику. В тихом месте она прошла чисто, прибавила звук — и скрипка снова захрипела. Я села на кровать, не снимая пальто, и ждала повторения. Было. Сосед сверху убавил радио. Наверняка решил, что мешает мне. Как объяснить ему, что я ради этих нескольких секунд готова слушать всю ночь?

А я знала правду. Я знала, почему звучит так. И я знала, где лежит ключ.

Я могла еще сидеть и слушать, где Вероника ошибается. Потом радио выключат, а мне останутся пустой футляр и мелочь на хлеб. Нужен был верстак. Хотя бы разобрать что-нибудь, ощутить под пальцами дерево, которое отзывается на работу, а не фамилию. Я поднялась и проверила ключи в сумке. Отцовский ключ был там, длинный, неудобный; всегда цеплялся за подкладку.

Мастерская отца.

Она находилась в старом здании на Васильевском, рядом с набережной. После смерти отца всё законсервировали, но ключи остались у меня. Я взяла фонарь и вышла в ночь. Дождь усилился, ветер швырял в лицо холодные капли, но я не чувствовала холода. Внутри меня горел огонь.

Дверь скрипнула, выпуская наружу затхлый воздух мертвой смолы и пыли. Внутри было темно. Хлам заваливал пол: сломанные станки, банки с клеем, старые чертежи. Я шагнула вперед, надеясь найти хоть что-то ценное для продажи или ремонта.

Под ногой хрустнуло. Не стекло. Дерево.

Из темноты раздался низкий, бархатный голос, от которого мурашки побежали по спине: — Вы наступили на мою виолончель, сударыня.

Я вскрикнула и отпрыгнула назад, ударившись плечом о стеллаж. Сердце заколотилось где-то в горле. — Кто здесь?

Фонарь освещал его ботинки, и я никак не могла поднять луч выше. Сидел на перевернутом ящике, локтями на коленях. Я узнала Максима Дорна, еще не разглядев лицо как следует. Имя коллекционера слышала прежде, когда коллеги спорили, кто купит старый инструмент. Увидеть такого покупателя у отцовского верстака не ожидала. Фонарь пришлось перехватить обеими руками.

Он не испугался. Он оценивал. Его глаза, серые и холодные, как сталь клинка, скользили по моему лицу, затем по одежде, затем по рукам. — Это моя мастерская, — сказал он спокойно. Рядом с ним стояли коробки с оборудованием. По ним нельзя было понять, что случилось с отцовским помещением. — Я купил её неделю назад. И я не люблю непрошенных гостей. Особенно тех, кто портит мои инструменты.

Глава 3

Он указал пальцем на пол. Там лежала виолончель Страдивари. Я задела выступавший гриф; рядом хрустнула деревянная щепка. У головки виднелась старая трещина, а на деке — следы грубой заделки. — Эта трещина, — мой голос предательски дрогнул, но я заставила себя смотреть ему в глаза. — Это не случайность. Это ошибка мастера, который пытался скрыть дефект шпоном. Вы заплатили за это состояние слишком много.

Дорн поднялся. Между ним и стеллажом вдруг оказалось мало места. Я отступила и задела спиной стену, но фонарь не опустила: пусть видит, что я смотрю на него, а не собираюсь бежать. От него пахло сандалом и табаком. В нашей мастерской обычно пахло клеем, и это чужое сочетание мешало говорить. — Твои руки знают, что делают, Ветрова, — сказал он. — Даже если твой рот молчит. Я хотела ответить, что с руками все в порядке. Помолчала. Ему еще предстояло самому увидеть заделку; я не собиралась мешать.

Он достал из кармана лупу и фонарь посильнее, чем мой. Наклонился над инструментом. Тишина давила на уши. Если он скажет, что я ошиблась, что я просто истеричка, которая потеряла рассудок от бедности... Последняя надежда умрет.

Он смотрел долго. Мне казалось, что уже нашел след шпона, но Дорн менял угол света и начинал снова. Я стояла, прижимаясь спиной к стене, и мысленно поправляла: чуть левее, вот там. Потом он выпрямился. — Ты права. Шпон под краской. Подделка реставрации пятидесятилетней давности. Я убрала плечо от стены. Не стала говорить, что сразу ему сказала. Дорн смотрел уже на меня, а мне все еще хотелось вернуть луч к трещине.

Он посмотрел на меня. Я почувствовала себя голой, несмотря на пальто. — Есть предложение. Ты восстанавливаешь этот Страдивари за две недели. Используешь материалы этой мастерской. Я оставляю тебе доступ сюда. Оплата символическая, но право работать — реальное.

Две недели. Я прикинула, что успею сделать, и только потом услышала слово «символическая». Право работать он предлагал за настоящую работу, оплату — за такую, которой хватит разве что не голодать. — Почему ты согласился? — Потому что мне нужен лучший реставратор в городе. А Григорий Соколов не знает, что ты лучшая не только как исполнитель, но и как механик звука. Мне хотелось услышать эту оценку снова, уже без торга. Дорн назвал лучшей и сразу потребовал две недели. Приятное чувство пришлось убрать подальше, чтобы не принять любую цену.

Он произнес мою фамилию до того, как я представилась. Я посмотрела на коробки, на его лупу, на инструмент у ног. Дорн мог держать Страдивари где угодно, а сидел здесь, у верстака моего отца. От этой мысли стало не по себе. Он ждал меня? Или я сама шла туда, куда ему было удобно? Но он слушал, когда я говорила о старой заделке. За последние дни это было первым разговором, в котором меня не перебили, назвав токсичной.

— Работай, Алина, — он протянул мне ключ от мастерской. Металл был ледяным. — И постарайся не сломать то, что уже сломано. Хотя, глядя на тебя, я сомневаюсь, что ты умеешь чинить. Ты умеешь только разрушать красиво.

Ключ лег рядом с моим старым ключом. Я сжала оба в ладони, не зная, какой теперь открывает дверь. Дорн не торопил. Стоял и смотрел, возьму ли я его предложение. Мне хотелось отдать новый ключ, потребовать бумаги на отцовское помещение, выйти отсюда с прямой спиной. Вместо этого я спросила себя, есть ли у меня силы утром искать еще один служебный вход. Не было. Ключ остался у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.